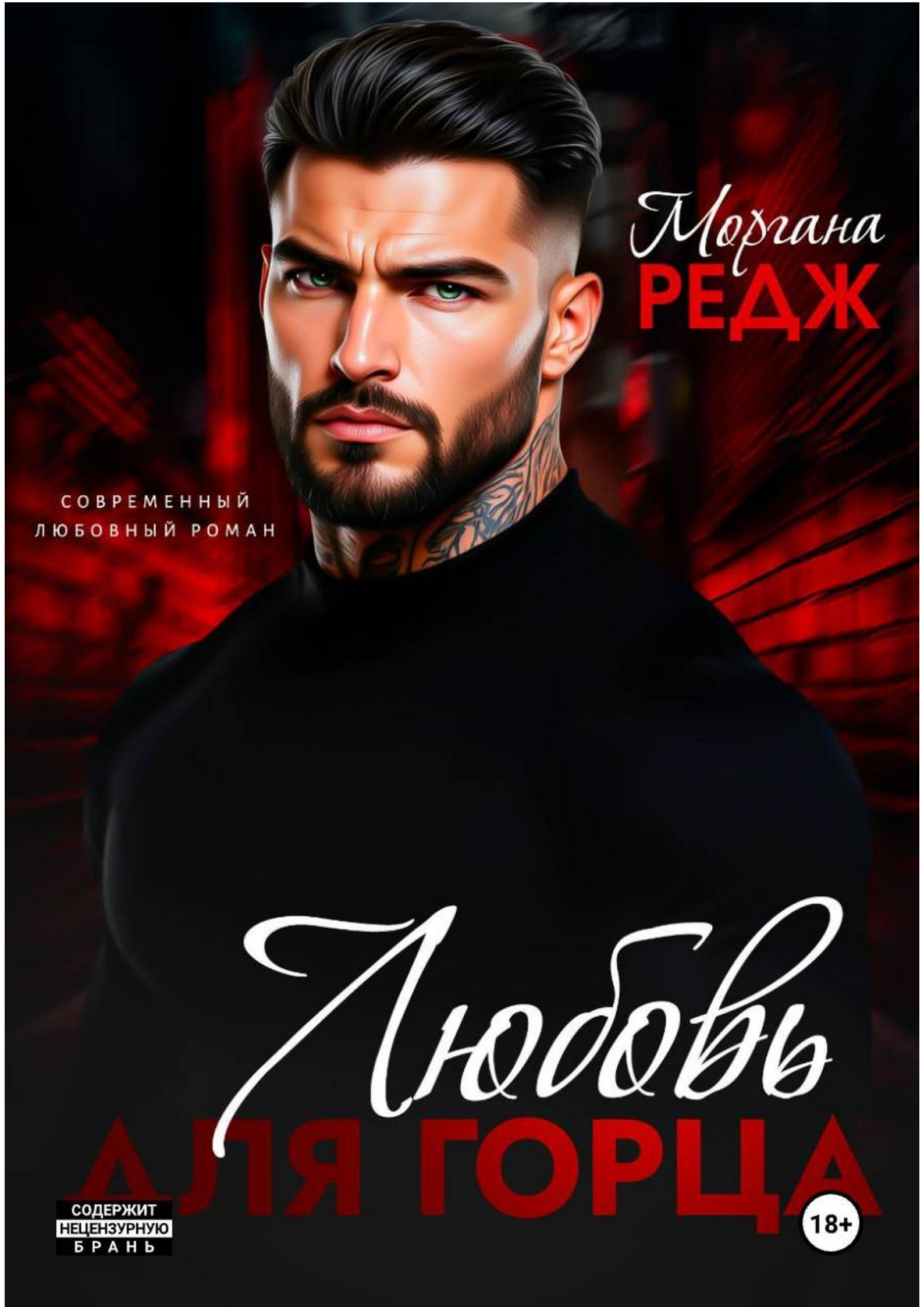

A close-up portrait of a man with dark hair, a beard, and green eyes. He has tattoos on his neck and is wearing a black turtleneck. The background is dark with red, flame-like patterns.

Моргана
РЕДЖ

СОВРЕМЕННЫЙ
ЛЮБОВНОЙ РОМАН

Любовь

ДЛЯ ГОРЦА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Моргана Редж

Любовь для горца

«Автор»

2026

Редж М.

Любовь для горца / М. Редж — «Автор», 2026

— Сабир, ты хочешь жениться на девочке, которая дразнит тебя из-за шапки?— Да.— И которая, скорее всего, пошлёт тебя куда подальше с этим предложением?Я молчу. Потому что он прав. С вероятностью девяносто девять процентов Айша выльет мне на голову чай, когда я заведу этот разговор. Или расхохочется. Или скажет что-то вроде: «Ты чего, дядь Сабир, перегрелся?»Он спас ее, а потом влюбился. Но как держать себя в руках и не злиться, когда тебя считают старым и ворчливым, а тебе всего 30? Ну может чуть больше, но все же...Альтернативная Россия. История Сабира и Айши из романа "Кавказский зверь".

© Редж М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	9
Глава 3.	13
Глава 4.	17
Глава 5.	21
Глава 6.	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Моргана Редж

Любовь для горца

Глава 1.

Сабир

Я схожу с ума. Это не фигура речи. Это медицинский факт, который я мог бы подтвердить томограммой, если бы в этом доме водились томографы.

Я стою на пороге гостиной и смотрю, как Амир обнимает свою Зару. У окна. Идиллия. Снежинки, чёрт бы их побрал, падают в свете фонарей. Он гладит её по животу, где растёт его ребёнок. Она сияет.

Я должен чувствовать спокойствие. Работа сделана. Враги мертвы, запуганы или сидят в тюрьмах. Айша в безопасности. Мы в безопасности. Тишина.

Эта тишина меня убивает. Потому что в этой тишине я слышу только одно: её голос.

«Сабир, а почему у тебя шрам на ребрах?» «Сабир, ты ел когда-нибудь мороженое? Просто так, посреди улицы?» «Сабир, отстань от меня со своей курткой!»

Амир поднимает на меня взгляд. В его глазах этот дурацкий, понимающий блеск. Ещё бы. Он тоже через это проходил. Но у него всё было честно. Враг — любовь — спасение — хеппи-энд. У меня же... У меня — девочка которая смотрит на меня так, будто я — надоедливая нянька, а не мужчина.

Я прохожу в гостиную. Сажусь в кресло напротив дивана, где они воркуют. Зара тут же отстраняется от Амира, но не выпускает его руки. Умная девочка. Она чувствует моё состояние.

— Сабир, кофе будешь? — спрашивает она мягко.

— Виски, — отвечаю я.

— В девять утра? — Амир приподнимает бровь.

Я тру переносицу. Пальцами чувствую застарелый шрам.

— Амир. Мне нужно с тобой поговорить.

Зара тут же встаёт, бросает на мужа быстрый взгляд, полный любопытства, но послушно уходит. Где-то в глубине дома хлопает дверь. Айшина комната. Она там. Наверное, слушает музыку. Или пилит ногти. Или пишет в телефоне гадости обо мне.

— Выкладывай, — говорит Амир, откидываясь на спинку дивана. Расслабленный, сытый, счастливый. Сволочь.

— Я хочу на ней жениться.

Тишина. Даже снег за окном, кажется, перестал падать.

Амир смотрит на меня долго. Очень долго. Потом его лицо начинает меняться. Он пытается сохранить серьёзность, но у него не получается. Губы дёргаются.

— Ты сейчас смеяться будешь — я тебе вставлю челюсть обратно, — предупреждаю я спокойно. Спокойно — потому что это правда. Шуток про Айшу я не потерплю даже от брата.

— Я не смеюсь, — он давится воздухом. — Сабир, ты... погоди. Ты серьёзно?

Я молча смотрю на него.

— На Айше? — уточняет он. — Которой восемнадцать?

— Девятнадцать через месяц.

— Которую ты три месяца назад спас из подвала её психованного отца?

— Я помню обстоятельства нашего знакомства, Амир. Спасибо.

— Которую ты сам называл «девочка», «ребёнок» и «мелкая»?

Я сжимаю челюсть. В виске снова пульсирует жила. Последнее время это происходит каждый раз, когда я думаю о ней. Или не думаю. Или дышу с ней в одном доме.

— Я знаю, сколько ей лет. Я знаю, кто я. И я знаю, что она — дочь женщины, перед которой у меня есть долг.

Амир перестаёт улыбаться. Садится прямо. Теперь передо мной не счастливый муж, а тот самый Амир, с которым мы вытаскивали друг друга с того света.

— Это из-за чувства вины? — спрашивает он тихо. — Ты пытаешься защитить её так, как не смог защитить её мать?

— Нет.

Этот ответ вылетает раньше, чем я успеваю его обдумать. И, сказав это, я понимаю: это правда.

— Если бы это была вина, я бы просто поставил её имя в список на перевод денег. Купил бы ей квартиру, оплатил учёбу. Нашёл бы семью. Сделал бы так, чтобы она была далеко, в безопасности, и не напоминала мне о прошлом. Но я... — я замолкаю, потому что слова застревают в горле.

Но я не могу без неё дышать.

Амир ждёт. Он умеет ждать.

— Она не воспринимает меня как мужчину, — говорю я глухо. Встаю, подхожу к окну. Снег всё идёт. — Для неё я — «дядька Сабир». Тиран, который заставляет есть суп. Надзиратель, который следит, чтобы она носила дурацкие жилетки. Она спорит со мной по каждому поводу. Она смеётся, когда я пытаюсь быть строгим. Она... — я сглатываю. — Вчера она сказала, что у меня «лицо как у старого пса, которого жалко выгнать на мороз». Это был комплимент. За то, что я разрешил ей пойти гулять без шапки.

Слышу, как Амир поднимается с дивана. Подходит ко мне. Встаёт рядом.

— Сабир, ты хочешь жениться на девочке, которая дразнит тебя из-за шапки?

— Да.

— И которая, скорее всего, пошлёт тебя куда подальше с этим предложением?

Я молчу. Потому что он прав. С вероятностью девяносто девять процентов Айша выльет мне на голову чай, когда я заведу этот разговор. Или расхохочется. Или скажет что-то вроде: «Ты чего, дядь Сабир, перегрелся?»

— И что ты хочешь от меня? — спрашивает Амир. — Чтоб я поговорил с ней? Как старший брат?

— Нет. — Я поворачиваюсь к нему. — Я хочу, чтобы ты сказал мне, как это вынести. Как быть рядом, когда она смотрит сквозь тебя. Как не сломать её своей опекой, но и не дать ей убиться об этот мир. Как сделать так, чтобы она однажды... — я давлюсь этим словом, но выдавливаю, — ...увидела.

Амир смотрит на меня. И в его взгляде — не жалость. Уважение.

— Ты правда влюбился, брат, — говорит он тихо. — Поздравляю. Это ад.

Я усмехаюсь. Горько.

— Я знал. Я думал, я ко всему готов. Я видел, как ты маялся с Зарой. Думал: ну что там сложного, поцеловал — и дело в шляпе. Но с ней... Я не могу даже прикоснуться к ней лишний раз, потому что боюсь, что она испугается. Боюсь, что она прочитает в моих глазах то, что я сам от себя прячу. Боюсь, что она права. Что я просто старый больной пёс, который уцепился за последний источник тепла.

— Ты не старый, — спокойно говорит Амир. — И ты не пёс. Ты мужчина, который впервые в жизни столкнулся с тем, что не может решить проблему силой или деньгами. Айша — не мишень. Она — человек. И она, если ты не заметил, тоже тянется к тебе.

Я смотрю на него скептически.

— Она тянется. Как к грелке зимой. Я ей нужен для комфорта. Как охранная грамота. Как память о матери. Но не как...

— Ты уверен?

Я вспоминаю её взгляды. Иногда, когда она думает, что я не вижу, она смотрит на меня. Долго. Изучающе. А потом, когда я поворачиваю голову, она отворачивается и начинает спорить про погоду. Это что? Интерес? Или просто подростковые заморочки?

— Я ни в чём не уверен, — признаюсь я. — И это хуже, чем сидеть в засаде с простреленной ногой. Потому что там я знал: либо дождусь, либо нет. А тут... Я не знаю правил. Я не знаю, что будет завтра. Я не знаю, проснётся ли она однажды и не скажет: «Дядь Сабир, я нашла парня, он хороший, я поеду к нему».

В горле пересыхает от одной этой мысли.

Амир молчит. Хлопает меня по плечу.

— Знаешь, что мне помогло с Зарой?

Я поднимаю взгляд.

— Я перестал решать. Перестал контролировать. Я просто был рядом. Ждал. Давал ей пространство быть собой. И однажды она сама ко мне пришла.

— Зара была сломлена. Ей нужна была защита. А Айша...

— Айша — дикая кошка, — кивает Амир. — Которую ты выпустил из клетки. И теперь она бегаёт по дому и метит территорию. Твою территорию.

Я смотрю на него.

— Это ты к чему?

— К тому, что она уже считает этот дом своим. А тебя — своей собственностью. Потому что кто ещё будет спорить с хозяином дома из-за куртки? Чужого человека она бы просто послала или промолчала. Она с тобой воюет, Сабир. А воют только с тем, кто важен.

Эта мысль... она застревает в голове, как заноза. Я хочу в неё поверить. Но боюсь.

— Ладно, — говорю я. — Допустим. И что мне делать? Продолжать эту войну?

— Дай ей выиграть пару сражений. Отпусти контроль. Пусть она думает, что она главная. А сам просто будь рядом. Она увидит.

— Увидит что?

— Что ты не уходишь. Что бы она ни сказала, как бы ни вела себя — ты остаёшься. Для таких, как она, это единственный аргумент.

Из коридора доносится грохот. Потом её голос:

— Сабир! У нас тут молоко убежало, потому что эта плита — дурацкая! Иди сюда, скажи ей что-нибудь!

Я смотрю на Амира. Он улыбается.

— Иди, — кивает он. — Спасай молоко. Герой.

Я иду. Потому что она позвала. Потому что я и правда пойду за ней куда угодно. Даже на войну с убежавшим молоком.

На кухне хаос. Айша стоит посреди разлитой белой лужи, сжимая в руках губку. Её короткие волосы торчат в разные стороны. На щеке — след от муки или сахара. Глаза горят праведным гневом.

— Оно зашипело и полезло! Я просто хотела сделать какао, а оно!

Я смотрю на неё. На эту маленькую фурию в растянутой толстовке. На её тонкие руки, которые сжимают губку так, будто это оружие. На её губы, припухшие от постоянных споров.

И внутри у меня всё сжимается от нежности и отчаяния.

Как сказать ей, что я люблю её? Когда она смотрит на меня и ждёт, что я сейчас начну ругаться про беспорядок.

Я молча подхожу, беру у неё губку. Наши пальцы соприкасаются. На секунду. Она отдёргивает руку. Смотрит на меня с вызовом.

— Ну что встал? Ругаться будешь?

— Нет, — говорю я, начиная стирать молоко с пола. — Какао хочешь? Я сделаю. Нормальное.

Она молчит. Я чувствую её взгляд на своём затылке.

— Ты чего? — голос вдруг теряет воинственность. — Заболел?

— Может быть.

— Чего?

Я поднимаю на неё взгляд. Она стоит надо мной, и свет из окна падает на её лицо. Она красивая. Дикая, колючая, нелепая. Моя.

— Диагноз, — говорю я. — Хронический. Ты тут ни при чём.

Она хмурится, не понимая. Потом фыркает.

— Старый ты, дядь Сабир. Совсем ку-ку.

И вылетает из кухни, оставив меня на коленях посреди лужи молока.

Я смотрю ей вслед.

Старый. Ку-ку. Идиот, который любит так, что кости ломит.

Амир, сволочь, прав. Это война. И я в ней проиграл ещё до первого выстрела. Потому что сдался.

Теперь осталось дожидаться, пока она это поймёт.

Глава 2.

Сабир

Я стораю. Это не метафора. Я реально чувствую жар под кожей, будто внутри меня тлеют угли. И виновата в этом девчонка, которая спит в комнате напротив и видит, судя по всему, десятый сон.

Три часа ночи. Я стою у окна в своей комнате и курю в форточку. Я не курил пять лет. Сорвался. Третья неделя этого добровольного ада.

Всё началось с душа.

Сегодня утром я вышел из ванной. Обычное дело. Полотенце на бёдрах, вода стекает по груди. Я думал, она ещё спит. У неё каникулы. Она спит до обеда.

Она сидела на полу в коридоре. С книжкой. Просто сидела, прислонившись спиной к стене, и читала. Подняла голову. Устала.

Я замер.

Она смотрела. Не отворачивалась. Скользнула взглядом по шраму на левом плече, по татуировке на рёбрах, по мокрым волосам. И сказала:

— А ничего так. Для старого пса.

И уткнулась обратно в книгу.

Я простоял там, наверное, минуту. Потом ушёл к себе. Закрыл дверь. И прислонился лбом к косяку.

Она надо мной издевается. Осознанно. Хладнокровно. Как кот с мышкой.

Потом сижу в гостиной, делаю вид, что читаю новости в телефоне. На самом деле я слушаю. Она на кухне. Гремит посудой. Напевает что-то. Потом шаги — и она появляется в дверях.

Сегодня на ней короткие шорты. Очень короткие. И майка на тонких лямках. Она худая, слишком худая — плен даёт о себе знать, мы боремся с этим, кормим её, пичкаем витаминами. Но когда она так стоит, в полосе солнечного света, я вижу очертания того, какой она станет. Изгиб бёдер. Начало груди под тонкой тканью.

Она ловит мой взгляд.

Улыбается. Медленно, с намёком на что-то.

— Дядь Сабир, а научи меня стрелять.

Я давлюсь воздухом.

— Зачем?

— Ну а вдруг? Ты же у нас тут весь из себя крутой киллер. А я беззащитная девушка. Вдруг на меня кто нападёт?

Она говорит это и поправляет лямку майки. Просто так. Или не просто?

— Нет, — говорю я.

— Почему?

— Потому что тебе рано.

— Я уже взрослая.

Она делает шаг в комнату. Ещё один. Садится на подлокотник кресла напротив меня. Близко. Слишком близко.

— Ты стесняешься меня, дядь Сабир?

Я смотрю в её глаза. В них чёртики пляшут. Она знает, что делает. Она не может не знать.

— Айша, — говорю я как можно спокойнее. — Иди оденься.

— Жарко.

— Включи кондиционер.

— Скучно одной.

Я встаю. Если я останусь сидеть, я сделаю что-то, о чём пожалею. Например, поцелую её. Или убью. Или то и другое.

— Ты куда? — она тянет слово, как резинку.

— По делам.

— Какие у тебя дела? Ты на пенсии.

Я ухожу. Слышу за спиной её смех. Тихий, довольный.

Вечером того же дня мы остаёмся вдвоём. Амир повёз Зару на УЗИ. Они светятся. Счастливая семейная пара. Айша провожала их с таким лицом, будто провожает родителей на курорт, а сама остаётся с ненавистным родственником.

Я наливаю себе виски. Второй за вечер. Сажу в гостиной, смотрю телевизор. Там что-то про футбол. Мне плевать.

— Скучно, — объявляет она, появляясь в дверях.

Она переоделась. Теперь на ней пижама. Шёлковая, между прочим. Я покупал? Я не покупал. Амир? Зара? Неважно. Важно, что это тонкая ткань, которая не скрывает, а подчёркивает.

— Почитай, — советую я, глядя в экран.

— Все книги прочитала.

— Поспи.

— Выспалась.

Я молчу. Она подходит ближе. Садится на диван. Не напротив — рядом. Оставляет между нами сантиметров двадцать. Я чувствую запах её кожи. Ваниль и что-то сладкое. Тот же шампунь, что у Зары. Но на ней пахнет иначе. Сводит с ума.

— А расскажи что-нибудь, — просит она.

— О чём?

— О себе. Ты же много кого убил, да? Страшные истории любишь?

Я поворачиваю голову. Она смотрит на меня с любопытством. Без страха. Без отвращения. Просто интересно. Как ребёнку, который рассматривает диковинного зверя.

— Не любишь, — кивает она. — Ладно. Тогда давай я расскажу.

Она поджимает под себя ноги. Поворачивается ко мне всем корпусом. Лямка пижамы сползает с плеча. Я смотрю на это плечо. Там, где ключица переходит в нежную кожу. Хочется прикоснуться. Хочется поцеловать. Хочется зарыться лицом и забыть, кто я и где.

— Я в плену иногда мечтала, — говорит она тихо. — Что придёт кто-то и спасёт. Но не рыцарь на коне. А такой... злой. Страшный. Чтоб все боялись, а он меня защищал. Представляла его лицо. С шрамами. С холодными глазами.

У меня внутри всё обрывается.

— Айша, — хрипло говорю я. — Не надо.

— Чего не надо?

— Не играй со мной.

Она наклоняет голову. Её глаза вдруг становятся серьёзными. Совсем не детскими.

— А если я не играю?

Мы смотрим друг на друга. Тишина давит на уши. Я слышу, как стучит моё сердце. Слишком громко. Она должна слышать.

Я тянусь к ней. Медленно. Чтобы она успела отстраниться, если захочет. Чтобы не испугать. Моя рука касается её плеча. Горячая кожа под пальцами. Она не дёргается. Смотрит. Ждёт.

Я провожу большим пальцем по ключице. Вверх, к ямочке на шее. Чувствую, как бьётся её пульс. Быстро-быстро. Как у пойманной птицы.

— Сабир, — шепчет она.

Не «дядь Сабир». Просто имя. Впервые.

— Что? — мой голос — хриплый шёпот.

— Ты... — она облизывает губы. — Ты меня поцелуешь?

Я замираю. Смотрю в её глаза. Там нет насмешки. Там что-то другое. Страх? Желание? Оба?

— Нет, — говорю я.

Она моргает. Отстраняется. Моя рука падает.

— Почему?

Потому что ты ребёнок. Потому что я сломаю тебя. Потому что если я начну, я не смогу остановиться. Потому что ты заслуживаешь кого-то нормального, а не старого пса с биографией убийцы. Всевышний! О чем я думаю? Я же хочу на ней жениться!

Но говорю другое:

— Потому что ты не готова.

— Я сама решу, когда готова! — в ней вспыхивает привычная воинственность.

— Решишь, — киваю я. — Когда поймёшь, чего хочешь. А сейчас ты хочешь поиграть.

Проверить границы. Узнать, как далеко я позволю тебе зайти.

Она краснеет. Ярко. До корней волос.

— Ты... — она задыхается. — Ты думаешь, я...

— Я думаю, что тебе восемнадцать, — перебиваю я. — А мне — тридцать пять. Я думаю, что ты не знаешь, чего хочешь. Я думаю, что если мы это сделаем, ты потом возненавидишь меня. И себя.

Она вскакивает. Глаза блестят. То ли от слёз, то ли от гнева.

— Ты ничего не знаешь! — кричит она. — Ты думаешь, я маленькая! Думаешь, я не понимаю! Я всё понимаю! Я понимаю, как ты на меня смотришь, когда думаешь, что я не вижу! Я понимаю, почему ты срываешься и куришь по ночам! Я понимаю, почему ты не прикасаешься ко мне!

Она выбегает. Хлопает дверью своей комнаты.

Я остаюсь сидеть. Внутри — пустота и адская боль. Я ранил её. Оттолкнул. Сделал больно.

Но если бы я поцеловал — было бы хуже. Черт... Зачем я это делаю...

Я стою под холодным душем. Ледяная вода стекает по спине. Не помогает.

В голове — её слова. «Я понимаю, как ты на меня смотришь».

Она знает.

Она всё знает и всё равно провоцирует.

Или она не провоцирует? Может, она правда хочет? Может, она чувствует то же самое?

Я закрываю глаза. Вижу её плечо под своими пальцами. Слышу её шёпот: «Ты меня поцелуешь?».

Я хочу. Боже, как я хочу.

Но я не могу.

Потому что я — взрослый мужчина. Даже если жениться на ней, то чтобы она тоже этого хотела, а не играла со мной.

Час ночи. Я не сплю. Лежу, смотрю в потолок.

Тихий скрип. Дверь.

Я не сплю с оружием уже месяц. Дурак. Расслабился.

Тень в проёме. Маленькая. Хрупкая.

— Сабир, — шепот в темноте. — Ты не спишь?

— Нет.

Она подходит к кровати. Садится на край. Я чувствую её запах. Слышу дыхание.

— Мне страшно, — говорит она. — Приснилось.

Я молчу. Жду.

— Тот подвал. Отец. Клетка. Я кричала, а никто не слышал.
Голос дрожит. Не играет. Правда.

— Айша, — я сажусь. В темноте вижу только очертания. — Хочешь, я включу свет?

— Нет. Можно я тут посижу?

Молчание.

— Можно, — говорю я.

Она ложится. Поверх одеяла. Рядом. Я чувствую тепло её тела через ткань. Через воздух.
Через всё.

— Сабир, — тихо. — Я знаю, что ты думаешь. Что я ребёнок. Что я не понимаю. Но я понимаю. Я просто боюсь.

— Чего?

— Что ты уйдёшь. Найдешь себе нормальную женщину. А я останусь одна.

Я поворачиваю голову. Она лежит на боку, смотрит на меня. В темноте её глаза кажутся огромными.

— Никуда я не уйду, — хрипло говорю я.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Она тянется рукой. Находит мою ладонь. Сжимает тонкими пальцами.

— Спокойной ночи, дядь Сабир.

Улыбается. Я чувствую эту улыбку даже в темноте.

— Спокойной ночи, Айша.

Она засыпает. Правда засыпает. Дыхание становится ровным, пальцы расслабляются. А я лежу и смотрю в потолок до самого утра.

Её рука — в моей.

Внутри — пожар. Снаружи — лед.

Я — старый дурак, который влюбился в девочку и не знает, что с этим делать.

Но одно я знаю точно: я никуда не уйду. Буду гореть. Буду терпеть. Буду ждать.

Пока она сама не поймёт. Или пока не придёт кто-то другой.

От этой мысли внутри разливается кислота.

Если кто-то другой подойдёт к ней — я убью. Спокойно. Хладнокровно. Как в старые добрые времена.

Она моя.

Она ещё не знает. Но это правда.

Я сжимаю её пальцы в ответ. Осторожно. Чтобы не разбудить.

— Моя, — шепчу в темноту. — Только моя.

Глава 3.

Сабир

Этот совет — пытка. Хуже, чем допрос с пристрастием. Потому что на допросе я знаю, кто враг, а кто свой. Здесь же я сижу на кухне, пью чай с мятой, который мне заботливо налила Зара, и слушаю, как меня учат жить два человека, которые ещё год назад сами были по уши в дерьме.

— Ты её просто напугаешь, — Зара пододвигает ко мне вазочку с печеньем. Я смотрю на печенье. Оно в форме сердечек. Издеваются? — Сабир, пойми. Айша — не я. Меня сломали, и мне нужна была защита. Её — нет. Её отец пытался её сломать, но она выстояла. Она дикая. Если ты придёшь к ней с разговором по-взрослому, она оцетинится.

— Амир пришёл к тебе, — напоминаю я хмуро.

— Амир пришёл ко мне ночью, когда я боялась заснуть. — Зара бросает на мужа короткий взгляд. В нём столько тепла, что мне становится тошно. — Он не предлагал. Он просто был рядом.

Я смотрю на Амира. Он сидит, развалившись на стуле, и ухмыляется. Сволочь. Счастливая сволочь.

— Ты сам-то что скажешь? — спрашиваю я его. — Или будешь молчать, как партизан?

Амир пожимает плечами. Тянется за печеньем.

— Я скажу, что ты мужик. А ведёшь себя как пацан.

Я чувствую, как желваки заходили на скулах.

— Это я-то пацан?

— А кто? — он спокойно жуёт. — Ты бегаешь за ней по дому, как мальчишка. То куртку подавай, то молоко убежало. Она тебя строит, а ты пляшешь. Где тот Сабир, который заказывал людей, не моргнув глазом?

— Это разные вещи.

— Правильно. Потому что заказать — это легко. А признаться девчонке, что ты без неё дышать не можешь — это страшно.

Зара пихает его локтем.

— Амир, не дави. Он и так на пределе.

— Пусть давит, — говорю я. — Я пришёл за советом, а не за поглаживаниями.

Амир кивает. Допивает чай. Ставит чашку на стол.

— Хорошо. Слушай сюда. Ты хочешь жениться по нашим правилам? Прийти к ней с разговором? Сказать: «Я тебя беру в жёны, собирай вещи»?

Я молчу. Потому что да. Именно так я и хочу. Так делали мой отец, дед, прадед. Мужчина приходит, говорит слово — и дело сделано.

— Она тебя пошлёт, — спокойно говорит Амир. — Далеко и надолго. И будет права. Потому что она не вещь. И не девица из прошлого века, которую выдают замуж, пока она не опомнилась. Она — Айша. Та, которая резанула свои волосы, потому что ты хотел видеть её «красивой». Та, которая спорит с тобой про куртку. Та, которая вчера ночью пришла к тебе в постель, потому что ей приснился кошмар.

Я вздрагиваю. Откуда он знает про ночь?

— Я всё знаю, — усмехается Амир. — У меня дом, а не проходной двор. Двери скрипят. Зара краснеет. Я, кажется, тоже. Впервые в жизни.

— Ничего не было, — говорю я жёстко.

— Я знаю. Поэтому ты ещё живой. Если бы было — я бы тебя убил.

Он говорит это спокойно, но я знаю: убил бы. Айша для него — сестра Зары, а значит, сестра и ему. Я принимаю это. Уважаю.

— Так что мне делать? — спрашиваю я. — Я не могу больше терпеть. Я срываюсь. Курю. Не сплю. Думаю о ней каждую секунду.

Зара и Амир переглядываются. У них есть какой-то свой, парный язык. Меня это бесит и одновременно... успокаивает. Значит, возможно. Значит, и у нас с Айшей может так быть.

— Слушай меня, — Зара подаётся вперёд. Её глаза, такие тёплые, сейчас горят азартом. — Ты должен её завоевать.

— Я готов воевать, — говорю я мрачно. — С кем угодно.

— Не с кем. Её. По-другому. Не оружием, не деньгами, не авторитетом. Она этого не боится и не ценит. Она ценит внимание. Настоящее. Когда ты смотришь на неё и видишь не «девочку, которую надо спасать», а женщину.

— Она ещё не женщина.

— Уже, — жёстко говорит Зара. — Ей восемнадцать. В её возрасте наши бабушки уже рожали. И она чувствует себя женщиной. Просто боится. Боится, что ты увидишь в ней только ребёнка. Боится, что ты не воспримешь её всерьёз. Она дразнит тебя, потому что проверяет: а ты вообще видишь, что я уже выросла?

Я сглатываю. Ком в горле.

— И что мне делать? Цветы дарить?

— Цветы, — кивает Зара. — Подарки. Разговоры. Не как с ребёнком — как с равной. Спрашивай её мнение. Советуйся. Покажи, что она для тебя важна не как «дочка твоего друга», а как... она сама.

— Я не умею, — признаюсь я. — Я умею убивать, защищать, запугивать. Я не умею... ухаживать.

— Научись, — усмехается Амир. — Или проиграешь. Выбор за тобой.

Они снова переглядываются. Зара встаёт, подходит ко мне, кладёт руку на плечо.

— Сабир, ты хороший. Ты спас её. Ты вытащил её из ада. Она это помнит. Она это ценит. Но чтобы полюбить — этого мало. Ей нужно увидеть в тебе не спасателя, не няньку, не «дядьку». А мужчину. Который хочет её. Который готов ждать. Который не сломается от её характера, а выдержит. Который будет рядом, даже когда она будет кусаться.

— Я выдержу, — говорю я хрипло. — Я всё выдержу.

— Тогда начни с мелочей, — Зара улыбается. — Удиви её. Сделай что-то, чего она не ожидает. Не командуй. Не запрещай. Предлагай. И слушай. Просто слушай, что она говорит.

Я киваю. В голове каша. Тысяча мыслей. И одна, главная: как?

Как мне, человеку, который всю жизнь решал вопросы пулями и кулаками, научиться быть нежным? Как подойти к ней и не испортить всё страхом в своих глазах? Как сказать ей, что она — моя жизнь, когда она смотрит на меня и видит только старого пса?

— Иди, — Амир машет рукой. — Думай. Завтра начнёшь. А сегодня — просто будь рядом. Она опять без шапки собралась гулять.

Я встаю. Иду к выходу. В дверях останавливаюсь.

— Спасибо, — говорю не оборачиваясь.

— За что? — голос Зары.

— За то, что не смеётся.

— Мы ещё посмеёмся, — обещает Амир. — На свадьбе. Если доживёшь.

Я выхожу в коридор. Слышу, как за спиной Зара шипит на мужа: «Ну зачем ты так? Он же переживает!» И его спокойное: «Пусть переживает. Значит, живой».

Она стоит на крыльце. В одной толстовке. Волосы уже отросли чуть-чуть, торчат смешными вихрами. Смотрит в небо. Там снег идёт. Крупными хлопьями.

Я выхожу. Останавливаюсь рядом. Молчу.

Она косится на меня.

— Где куртка? — спрашиваю я. И сам себе противен. Опять командую.

— Не замёрзну, — отрезает она. И ждёт. Чего? Что я начну спорить?
Я делаю вдох. Выдох.

— Холодно сегодня, — говорю я. Просто констатирую факт. — Ветер.

— Ну и что?

— Ничего. Я просто говорю.

Она смотрит удивлённо. Поворачивается ко мне.

— Ты чего? Заболел? Или подменили?

— Может быть, — я смотрю на снег. — Красиво.

— Что?

— Снег. Красиво падает.

Она молчит. Долго. Я чувствую её взгляд на своём профиле.

— Ты странный сегодня, дядь Сабир.

— Сабир. Просто Сабир.

Тишина. Потом она тихо смеётся.

— Ладно. Сабир. А чего ты вышел?

Я пожимаю плечами.

— Подышать. Составишь компанию?

Она смотрит на меня подозрительно. Но остаётся.

Мы стоим на крыльце. Снег падает. Она ёжится. Я замечаю, но молчу. Не говорю про куртку. Просто снимаю свою — она тяжёлая, мужская, с мехом внутри — и накидываю ей на плечи.

Она вздрагивает.

— Ты...

— Мне не холодно, — перебиваю я. — Я закалённый.

Она кутается в мою куртку. Она ей огромна. Рукава болтаются, пальцев не видно. Но она не снимает. Смотрит на меня странно.

— Спасибо, — тихо.

— Пожалуйста.

Мы молчим. Снег идёт. Где-то в доме играет музыка. Амир включил Заре её любимые мелодии. А мы стоим на холоде, и я чувствую, как внутри тает лёд, которым я себя окружил на тридцать пять лет.

— Сабир, — она смотрит на меня снизу вверх. Ресницы в снежинках. Губы припухли от холода. — А ты чего такой сегодня... не такой?

— А какой я обычно?

— Злой. Командуешь всё время. А сегодня... добрый.

Я усмехаюсь. Впервые за долгое время — искренне.

— Может, я всегда такой. Просто боялся тебе показаться.

— Боялся? Ты? — она смеётся. — Ты ничего не боишься.

— Боюсь, — тихо говорю я. — Тебя боюсь.

Она замирает. Глаза становятся огромными.

— Почему?

Я смотрю на неё. На эти глаза. На снежинки в волосах. На тонкую шею, утонувшую в вороте моей куртки.

— Потому что ты — единственное, что я могу потерять. А я не умею терять. Я умею только убивать тех, кто угрожает. Но ты не угрожаешь. Ты просто... есть. И это страшнее любой пули.

Она молчит. Дышит. Снег падает.

Потом делает шаг ко мне. Прижимается лбом к моей груди. Я чувствую тепло даже через свитер.

— Не потеряешь, — шепчет она. — Я никуда не денусь. Ты же меня не отпустишь. Я обнимаю её. Осторожно. Боясь сломать. Боясь спугнуть. Боясь поверить.

— Не отпущу, — обещаю я в макушку, пахнущую снегом и ванилью. — Никогда.

Так мы и стоим. На крыльце. Под снегом. Старый пёс и дикая кошка, которая, кажется, начинает ему доверять.

Внутри — тепло.

Впервые за долгое время — тепло.

И я думаю: может, этот совет — не такой уж и дурацкий. Может, правда — не в силе. Может, правда — в этом. В умении ждать. В умении быть рядом. В умении не командовать, а просить.

Я прошу тебя, Айша. Останься. Будь моей. Просто будь.

Вслух не говорю. Рано. Но она, кажется, слышит.

Потому что её рука — тонкая, холодная — находит мою и сжимает.

— Пойдём в дом, — шепчет она. — Чай будешь?

— Буду, — говорю я.

И мы идём. Вместе. В дом, где пахнет выпечкой и любовью.

Маленькая победа. Первая. Но самая важная.

Глава 4.

Сабир

Этот план — идиотский. Я стою посреди торгового центра и чувствую себя полным кре-
тином. В руках у меня маленькая коробочка. В коробочке — серебряные серёжки с бирюзой.
Не дорогие. Не вульгарные. Просто красивые. Зара сказала: «Она не примет дорогой подарок,
решит, что ты откупаешься. А это — просто внимание. Ей понравится цвет, она любит синее».

Я смотрю на серёжки. Потом на себя в витрину. Мужик в чёрном свитере, с сединой на
висках, со шрамом над бровью, разглядывает девичью бижутерию. Картина маслом.

Продавщица за стеклом улыбается мне. Молоденькая, в смешной форме. Думает, навер-
ное, что я дочери покупаю. Или любовнице.

Я резко разворачиваюсь и иду к кассе.

Хватит думать. Надо делать.

Амир сказал, она в своей комнате. Я один в коридоре с дурацкой коробочкой в кармане.

Подхожу к её двери. Стучу.

— Кто?

— Я.

Пауза. Потом:

— Войди.

Я открываю. Она сидит на кровати, скрестив ноги. В наушниках. Ноутбук перед ней.
Что-то смотрит. Увидев меня, снимает наушники.

— Чего?

— Работает?

— Учусь, — поправляет она. — Зачёт по литературе. «Война и мир» читать надо, а я
не могу. Скучно.

Я прохожу. Сажусь на стул у её стола. Близко, но не слишком. Смотрю на неё. Растрё-
панная, в огромной футболке, с голыми ногами. Кусает губу. Ждёт, что я скажу.

— Я тебе принёс кое-что, — говорю. И сам себе противен. Голос дрожит? Нет. Не должен.

— Подарок? — она приподнимает бровь. — Ты? С чего это?

— С того, что захотел.

Достаю коробочку. Протягиваю.

Она смотрит на неё подозрительно. Берёт. Открывает.

В комнате тихо. Только её дыхание.

— Сабир... — тихо. — Это...

— Серёжки. Бирюза. Ты любишь синий.

Она поднимает глаза. В них что-то странное. То ли удивление, то ли... влажность какая-
то.

— Откуда ты знаешь, что я люблю синий?

— Твоя толстовка. С принтом. Ты её каждый день носишь. И кружка твоя — синяя. И
закладка в книге, которую ты читаешь — синяя.

Она молчит. Смотрит на меня. Потом переводит взгляд на серёжки. Проводит пальцем
по камню.

— Красивые, — шепчет.

— Примерь.

Она мнётся. Потом быстро, будто боясь передумать, вдевает одну. Пальцы дрожат. Не
попадает в дырочку. Я протягиваю руку.

— Можно?

Она замирает. Потом кивает.

Я беру серёжку. Аккуратно, стараясь не касаться лишнего, вдеваю в мочку. Мои пальцы — грубые, в мозолях — касаются её нежной кожи. Она вздрагивает. Я чувствую, как бьётся её пульс под подушечками.

Вторая. Так же осторожно. Готово.

Она поворачивается к маленькому зеркалу на стене. Смотрит. Трогает серёжки.

— Красиво, — говорит себе.

— Тебе идёт, — говорю я.

Она поворачивается ко мне. Улыбается. Впервые за долгое время — по-настоящему. Не насмешливо, не колюче. Тепло.

— Спасибо, Сабир.

— Пожалуйста, Айша.

Мы смотрим друг на друга. И я чувствую — момент. Он здесь. Надо ловить.

— Айша, — говорю тихо. — Можно спросить?

— Ну?

— Ты думала когда-нибудь о браке? О замужестве?

Она замирает. Глаза становятся осторожными.

— В каком смысле?

— В прямом. Ты хочешь замуж? Когда-нибудь?

Она отводит взгляд. Крутит серёжку в ухе.

— Не знаю. Наверное. Все хотят, да?

— Не все. Я спрашиваю — ты хочешь?

Молчание. Потом она тихо:

— А ты чего спрашиваешь?

— Интересно, — пожимаю плечами. — Мы живём в одном доме. Я за тебя отвечаю. Я должен знать, что ты думаешь.

Она смотрит на меня долго. Испытующе. Потом решается:

— Я хочу. Но не как у нас принято. Не чтобы меня продали, не чтобы решали за меня. Чтобы я сама выбрала.

— И какого ты выберешь?

— Не знаю. — Она задумывается. — Сильного. Чтобы со мной справился.

— Справился? — я приподнимаю бровь.

— Ну да. Я же... сложная. Меня просто так не приручишь. Нужен тот, кто выдержит. Кто не сломается от моего характера. Кто будет рядом, даже когда я кусаюсь.

У меня внутри всё сжимается. Потому что это — я. Это про меня.

— А ещё? — спрашиваю хрипло.

— Надёжный, — продолжает она, глядя в окно. — Чтобы я знала: что бы ни случилось, он придёт. Спасёт. Защитит. Не предаст. И... — она запинаясь. — Чтобы видел во мне не ребёнка. А женщину. Чтобы хотел меня. Понимаешь?

Я понимаю. Очень хорошо понимаю.

— А возраст? — осторожно спрашиваю. — Имеет значение?

Она усмехается.

— Ты про то, что старые — они опытнее? Не знаю. Наверное, главное — чтобы человек был. А сколько лет — какая разница?

Она поворачивается ко мне. Смотрит прямо в глаза.

— Ты чего разволновался, дядь Сабир? Или свататься пришёл?

Она смеётся. Шутит. Но в глазах — вопрос. Настоящий.

Я молчу. Смотрю на неё. На эти серёжки, которые ей так идут. На её тонкую шею. На губы, которые она кусает в ожидании.

И я решаюсь.

— А если да? — тихо говорю я. — Если я пришёл свататься?

Она замирает. Глаза расширяются.

— Ты... шутишь?

— Нет.

Тишина. Звонящая. Долгая. Я слышу, как стучит моё сердце. Как тикают часы на её столе. Как где-то в доме играет музыка.

Она смотрит на меня. Долго. Потом её лицо меняется. Насмешка. Та самая, которую я ненавижу.

— Сабир, ты серьёзно? — голос звенит. — Ты, старый пёс, решил на мне жениться? Ты вообще соображаешь? Тебе сколько? Тридцать пять? А мне восемнадцать! Ты мой отец мог бы быть!

Каждое слово — как пощёчина.

— Я не...

— Ты что, думал, я тут растаю от серёжек и побегу за тебя замуж? — она вскакивает с кровати. Глаза горят. — Ты мне как дядька! Как нянька! Ты командовал мной, куртку заставлял носить, а теперь — жениться? Ты вообще видел себя в зеркало? У тебя седина, шрамы, ты...

Она замолкает. Видит моё лицо.

Я встаю. Медленно. Внутри — ад. Всё кипит. Ярость, боль, унижение — всё смешалось в один комок, который душит.

Но снаружи — лёд.

— Всё понял, — говорю я спокойно. Совершенно спокойно. — Извини.

— Сабир, я не...

— Всё нормально. Ты права. Я старый. Идиот.

Она открывает рот, чтобы что-то сказать, но я уже у двери.

Выхожу. Закрываю за собой. Иду по коридору. Спокойно. Ровно. Слышу, как за спиной открывается дверь.

— Сабир! Подожди!

Не останавливаюсь.

Выхожу на крыльцо. Снег идёт. Опять. Холодно. Куртку я оставил в доме. Плевать.

Ключи от машины в кармане. Сажусь. Завожу. Газ в пол.

Выезжаю со двора. В зеркале заднего вида — она стоит на крыльце. В одной футболке. Без куртки. Смотрит вслед.

Пусть смотрит.

Я давлю на газ.

Трасса пустая. Вечер. Снег заметает асфальт. Я еду быстро. Слишком быстро для такой погоды. Плевать.

В голове — её слова.

«Старый пёс». «Ты мой отец мог бы быть». «Ты вообще видел себя в зеркало?»

Видел. Я каждый день вижу. Шрамы. Седина. Мешки под глазами от бессонных ночей. Тридцать пять лет, из которых двадцать я убивал людей и прятался по углам. Какое, к чёрту, счастье? Какая семья?

Я — монстр. А она — ребёнок, который только начинает жить.

И я посмел подумать...

Руль в руках вибрирует. Я сбрасываю скорость. Останавливаюсь на обочине. Глушу мотор.

Тишина. Только снег стучит по стеклу.

Я закрываю глаза. Дышу. Медленно. Глубоко. Учишь других контролировать гнев — научись сам.

Не получается.

Внутри — не гнев. Там пустота. Чёрная дыра, которая высасывает всё. И в этой дыре — её голос. Её смех. Её глаза, которые смотрели на меня с насмешкой.

Я думал, мы понимаем друг друга. Думал, тот вечер на крыльце, снег, её рука в моей — это что-то значило. Думал, она чувствует то же.

А она просто играла. Со мной, как с котёнком. Проверяла границы. А когда я поверил — высмеяла.

Заслуженно.

Я открываю глаза. Смотрю на свои руки. Они убивали. Много. Этими руками я душил, стрелял, резал. И этими же руками я хотел прикасаться к ней. Хотел гладить, обнимать, любить.

Идиот.

Я завожу машину. Разворачиваюсь. Еду обратно в город. Не домой. В город. Туда, где можно напиться и забыться. Где нет её голоса. Где нет снега. Где нет этой боли.

Зазвонил телефон. Амир.

Я сбрасываю.

Зара.

Сбрасываю.

Айша.

Смотрю на экран. Её имя. Мигает.

Я давлю на газ. Телефон вибрирует в кармане. Долго. Потом замолкает.

Пусть.

Я не готов слышать её голос. Потому что если я услышу сейчас её голос — я либо разобью машину, либо прибью её. А я не хочу ни того, ни другого.

Я хочу просто исчезнуть. На час. На ночь. Навсегда.

Но я не могу. Потому что есть Амир. Есть Зара. И есть она.

Чёрт бы её побрал.

Чёрт бы побрал меня, старого дурака, который поверил, что может быть счастлив.

Глава 5.

Айша

Он уехал.

Я стою на крыльце босиком. Снег тает под ногами, но я не чувствую холода. Я смотрю на пустую дорогу, где только что исчезли его фары, и внутри у меня что-то обрывается.

Он уехал. Из-за меня.

— Айша, ты с ума сошла? — Зара вылетает из дома, накидывает на меня плед. — На улице минус! Иди в дом!

Я не двигаюсь. Смотрю на дорогу.

— Зара, он...

— В дом, быстро!

Она тащит меня внутрь. Я как кукла — ноги не слушаются. В гостиной тепло, пахнет выпечкой, но меня трясёт. То ли от холода, то ли от того, что внутри.

Зара усаживает меня на диван. Кутает в плед. Садится рядом. Молчит. Ждёт.

Я смотрю на свои руки. Они дрожат. Я сжимаю их в кулаки.

— Что ты ему сказала? — тихо спрашивает Зара.

Я молчу. Не могу. Слова застряли в горле, колючим комком.

— Айша.

— Я... — голос хриплый, чужой. — Я не знаю. Я... он пришёл. Подарил серёжки. Красивые. С бирюзой. Сказал, что я люблю синий. А я и правда люблю...

— И?

— И спросил про замужество. Про то, что я думаю. Какого мужа хочу. А потом... — я давлюсь воздухом. — Потом спросил, а если он пришёл свататься.

Зара замирает.

Я поднимаю на неё глаза. Она смотрит серьёзно, без улыбки.

— И что ты ответила?

Я отворачиваюсь. Смотрю в окно. Там темно. Только снег. И пустота.

— Я... я засмеялась. Сказала, что он старый пёс. Что он мне в отцы годится. Что у него седина и шрамы. Что он вообще видел себя в зеркало?..

Тишина. Такая густая, что режет уши.

Потом Зара медленно встаёт. Подходит к окну. Стоит спиной.

— Айша, — голос у неё странный. Спокойный. Слишком спокойный. — Ты понимаешь, что ты сделала?

— Я...

— Ты убила мужчину. Понимаешь? Не пулей, не ножом — словом. Ты взяла и плюнула в душу человеку, который... — она резко оборачивается. Глаза горят. — Который спас тебя. Который вытащил тебя из того ада. Который ночами не спал, когда ты боялась. Который куртку тебе носил, молоко варил, серёжки выбирал, потому что ты любишь синий!

— Я не...

— Ты знаешь, кто он? — Зара подходит ближе. Голос звенит. — Он — горец. Он из тех, для кого честь и достоинство — не пустые слова. Он мог бы давно сломать тебя, поставить на место, заставить подчиняться. У него руки по локоть в крови, Айша. Он людей убивал, не моргнув глазом. А ты... ты просто девочка, которая дразнит его, издевается, проверяет границы. И он терпит. Он терпит всё, потому что...

Зара замолкает. Сглатывает.

— Потому что любит тебя, — заканчивает за неё Амир.

Я не слышала, как он вошёл. Он стоит в дверях. Спокойный, как всегда. Но в глазах — что-то твёрдое.

— Амир, — Зара поворачивается к нему. — Он не берёт трубку?

— Нет. Уехал в город. Я знаю, куда он мог поехать. Но не уверен, что стоит за ним ехать.

— Почему? — вырывается у меня.

Амир смотрит на меня. Долго. Изучающе. Потом садится в кресло напротив.

— Потому что Сабиру нужно пережить это самому. Он не щенок, которого надо жалеть. Он мужчина. А мужчины не любят, когда их жалеют. Особенно после того, как девчонка, которую они любят, смеётся им в лицо.

Каждое слово — как пощёчина.

— Я не смеялась... я...

— Ты что? Испугалась? — Амир приподнимает бровь. — Скажи честно. Ты испугалась, что он правда хочет тебя. Что он не шутит. Что всё это время — куртка, забота, эти его взгляды — это было не потому, что ты «девочка, которую надо спасти». А потому что ты — женщина, которую он хочет. И ты испугалась. И ударила первой, чтобы он не ударил тебя.

Я молчу. Потому что он прав. Боже, как он прав.

Зара садится рядом. Берёт мою руку.

— Айша, — тихо говорит она. — Ты боишься?

Я смотрю на неё. И внутри всё рушится.

— Да, — шепчу я. — Я боюсь. Он... он такой огромный. Такой сильный. У него такие руки... А я... я просто... я ничего не умею. Я не знаю, как быть женщиной. Я не знаю, как любить. Меня никто не любил. Отец хотел продать. Мама... она умерла, когда я маленькая была. Я не помню её. А Сабир... он первый, кто... кто просто есть. Кто заботится. Кто смотрит так, будто я — самое ценное, что есть в мире. И это страшно.

Слёзы текут сами. Я не плакала с тех пор, как меня закрыли в том подвале. А сейчас плачу. Размазываю слёзы по щекам, как маленькая.

— Я не знаю, что делать, — всхлипываю я. — Я не знаю, как к нему относиться. Он для меня всё. Он — воздух. Он — стены. Он — тепло. Но когда он рядом, у меня сердце останавливается. Я не могу дышать. Я начинаю злиться, колоть его, потому что... потому что если я не буду колоть, я просто упаду к его ногам и больше никогда не встану. А я не хочу быть слабой. Я не хочу, чтобы он думал, что я — ребёнок, который влюбился в спасителя. Я хочу быть равной. Я хочу, чтобы он видел во мне женщину. А во мне — ничего женского. Я тощая, страшная, волосы короткие, груди нет, я...

— Замолчи, — Зара обнимает меня. Крепко. — Замолчи, дурочка. Ты красивая. Ты очень красивая. И он это видит. Он видит тебя настоящую. А ты его — нет.

— Что?

— Ты видишь в нём «старого пса», «дядьку», спасителя. А он — мужчина. Который боится тебя потерять. Который с ума сходит от одной мысли, что ты согласишься на другого. Который готов на всё, лишь бы ты была счастлива. Даже уйти, если ты скажешь.

Я замираю.

— Уйти?

— А ты думала? — Амир встаёт. Подходит к бару, наливает себе виски. — Сабир — не из тех, кто будет навязываться. Если ты дашь ему от ворот поворот — он уйдёт. Уедет. Исчезнет из твоей жизни. Чтобы не мешать. Чтобы ты нашла себе нормального, молодого, без шрамов. Он же у нас «старый пёс», да? — усмехается горько. — Самоотверженный идиот.

У меня внутри всё холодеет.

— Он... он не вернётся?

— Не знаю, — пожимает плечами Амир. — Зависит от того, насколько сильно ты его ранила.

Я смотрю на телефон. Набираю снова. Вызов. Гудок. Ещё. Ещё.
— Абонент временно недоступен...
Он отключил телефон.
— Нет, — шепчу я. — Нет, нет, нет...
Я вскакиваю. Бегу к двери.
— Айша, стой! — кричит Зара.
— Я найду его!
— На улице ночь! Мороз! Ты в футболке!
Я не слушаю. Выбегаю на крыльцо. Темнота. Снег. Пустая дорога. Холод обжигает кожу.
Я бегу босиком по снегу, к воротам. Не знаю куда. Просто бегу.
За спиной шаги. Амир настигает меня в два прыжка. Хватает за плечи. Разворачивает.
— Ты с ума сошла!
— Пусти! — я вырываюсь. — Пусти, я должна...
— Ничего ты не должна! — он трясёт меня. — Успокойся! Истерикой делу не поможешь!
Я замираю. Смотрю в его лицо. Он злой. Но глаза — добрые.
— Что мне делать? — шепчу я. — Амир, что мне делать? Я не хочу, чтобы он уходил.
Я не хочу жить без него. Я... я люблю его. Я дура, я идиотка, я испугалась и ляпнула чушь, но я люблю его. Сильнее, чем себя. Сильнее, чем всё.
Амир вздыхает. Подхватывает меня на руки и несёт в дом.
— Для начала — одеться и успокоиться. Потом — ждать.
— Ждать?
— Да. Если он захочет вернуться — вернётся. Если нет — ты его не догонишь. Сабир, если не хочет, чтобы его нашли — не найдут. Даже я.
Он заносит меня в гостиную. Зара тут же накидывает на меня плед, растирает замёрзшие ноги.
— Господи, ноги ледяные. Сейчас чай принесу.
Я сижу, смотрю в одну точку. Телефон в руках. Я набираю снова и снова. «Абонент временно недоступен». «Абонент временно недоступен». «Абонент...»
— Перестань, — Амир забирает телефон. — Только батарейку посадишь. Пусть остынет. И ты остынь.
— А если он не вернётся? — смотрю на него. В глазах снова слёзы. — Если я его потеряла?
— Айша, — он садится на корточки передо мной. — Сабир тридцать пять лет жил один. У него никого не было. Ни жены, ни детей, ни дома. Только работа, кровь и смерть. А потом появилась ты. Ты думаешь, он сможет от этого отказаться? Просто так взять и уйти?
— Я его унизила.
— Да. Унизила. Но он сильный. Он переживёт. Вопрос в другом: ты готова признать, что была неправа? Готова бороться за него?
Я смотрю на него. Киваю.
— Готова. На всё готова.
— Тогда сиди и жди. И молись, если умеешь.
Амир уходит. Зара приносит чай. Садится рядом. Молчит. Мы сидим в тишине. Часы тикают. Снег идёт за окном.
Час. Два. Три.
Телефон молчит.
Я смотрю на серёжки. Они всё ещё в ушах. Бирюза. Красивые.
«Я тебе принёс кое-что. Серёжки. Бирюза. Ты любишь синий».
Он заметил. Он всё замечает. Мою толстовку. Мою кружку. Мою закладку. Он смотрит на меня так, будто я — книга, которую он читает каждую ночь.

А я... я плюнула ему в душу.

— Зара, — шепчу я. — А если он... если с ним что-то случится? Он же злой уехал. Дорога скользкая. Он мог...

— Не думай об этом, — обнимает она меня. — С ним всё будет хорошо. Он справится. Он всегда справлялся.

— А если нет? Если я его больше никогда не увижу?

Зара молчит. Потом тихо:

— Тогда ты будешь жалеть об этом всю жизнь. Поэтому, когда он вернётся — если он вернётся — ты должна будешь сделать правильный выбор.

— Какой?

— Сказать правду. Что ты чувствуешь. Без игр, без насмешек, без защиты. Просто открыться. Как перед прыжком в пропасть.

Я смотрю в окно. Снег идёт. Темнота. Пустота.

Где ты, Сабир? Где ты, старый пёс? Возвращайся. Я всё отдам. Я всё скажу. Я на колени встану. Только вернись.

Пожалуйста.

Четыре утра. Я не сплю. Сажу в своей комнате. Смотрю на серёжки в зеркале.

Где-то вдалеке слышен звук мотора.

Я замираю. Прислушиваюсь.

Мотор затихает у ворот.

Я срываюсь с места. Лечу по коридору. Вниз по лестнице. К входной двери.

Замираю.

Дверь открывается.

На пороге стоит Сабир. Весь в снегу. Волосы мокрые. Глаза — пустые. Усталые. Чужие.

Он смотрит на меня. Долго.

— Все в порядке? — спрашивает хрипло.

— Да, — шепчу я.

— Иди спать. Поздно.

Он проходит мимо. Даже не касается. Направляется к лестнице.

— Сабир, — голос дрожит.

Он останавливается. Не оборачивается.

— Я... я хотела сказать...

— Не надо, — перебивает он. — Устал. Завтра.

И уходит. Наверх. В свою комнату. Дверь закрывается.

Я стою в прихожей. Одна. Смотрю на лестницу, где он только что исчез.

Он вернулся. Живой. Целый.

Но между нами — стена. Которую я построила своими руками.

И я не знаю, как её разрушить.

Глава 6.

Айша

Три дня. Три дня он со мной не разговаривает.

Нет, он говорит. «Привет». «Пока». «Подвинься». Холодно. Вежливо. Как с чужой. Как с соседкой по коммуналке, которая случайно оказалась на его территории.

Это хуже, чем если бы он орал. Хуже, чем если бы он меня ударил. Потому что его глаза... они пустые. Он смотрит сквозь меня. Как будто меня нет.

Я схожу с ума.

— Айша, поешь, — Зара ставит передо мной тарелку.

— Не хочу.

— Ты третьи сутки не ешь. Хочешь в больницу загреметь?

Я смотрю в окно. Там, во дворе, он. Сабир.

На нём только спортивные шорты. Чёрные. Короткие. И всё.

Боже.

Он висит на турнике. Подтягивается. Медленно, мощно. Каждое движение — как отдельный удар сердца. Мышцы на спине перекатываются под кожей. Шрамы — белые полосы на смуглой коже — тянутся вдоль позвоночника, по лопаткам, по рёбрам. Я никогда не видела столько шрамов на одном человеке. Карта боли. Карта его жизни.

Он отпускает турник, прыгивает на землю. Поворачивается.

Я давлюсь воздухом.

Грудь. Широкие плечи. Твёрдый пресс, расчерченный кубиками. Тёмные волосы на груди, дорожка вниз, уходящая под резинку шорт. Руки — огромные, жилистые, с венами, которые вздуваются, когда он сжимает кулаки. На бицепсе — татуировка. Я не разглядела тогда, в коридоре, когда он вышел из душа. Теперь вижу. Какой-то старый меч, обвитый змеей.

Он вытирает лицо полотенцем, которое висело на турнике. Закидывает его на плечо. И идёт к дому.

Прямо на меня.

Я замираю. Сердце колотится так, что, наверное, слышно во всём доме. Он подходит к стеклянной двери. Открывает. Заходит.

Я сижу за кухонным столом. Он проходит мимо. Близко. Так близко, что я чувствую запах пота и горячей кожи. Чувствую тепло, исходящее от его тела.

— Подвинься, — говорит холодно.

Я отодвигаю стул. Он проходит к холодильнику, достаёт воду. Пьёт. Я смотрю, как двигается его кадык. Как вода стекает по подбородку, падает на грудь. Как блестит кожа на солнце.

Он допивает. Ставит бутылку. И уходит, даже не взглянув на меня.

Я выдыхаю. Только сейчас понимаю, что не дышала всё это время.

Зара смотрит на меня с жалостью.

— Айша...

— Молчи, — перебиваю я. — Просто молчи.

Я встаю. Иду в свою комнату. Закрываю дверь. Падаю на кровать.

Перед глазами — он. Его спина. Его руки. Его грудь. Этот взгляд сквозь меня.

И между ног — пульсация. Горячая, настойчивая, постыдная.

Я хочу его.

Боже, как я хочу его.

Я закрываю глаза. Провожу рукой по животу, ниже. Сама пугаюсь своего желания. Но не могу остановиться. Представляю, как эти руки — грубые, в мозолях — касаются меня. Как он смотрит не сквозь, а на меня. Как он...

Стон вырывается сам. Я зажимаю рот ладонью.
Что со мной? Я схожу с ума? Я — девочка, почти ребёнок, а он — взрослый мужчина.
И я хочу его так, что кости ломит.
Но он не смотрит на меня. Он меня не видит. Я для него — пустое место.
Я переворачиваюсь на живот, зарываюсь лицом в подушку. Хочется кричать. Хочется разбить что-нибудь. Хочется пойти к нему и...
И что? Упасть на колени? Попросить прощения? Сказать, что я дура? Что я люблю его?
Я пробовала. Вчера. Подошла к его двери. Постучала. Он открыл. Посмотрел всё так же пусто.
— Сабир, я хочу поговорить.
— Не о чем.
— Послушай...
— Ты всё сказала. Я всё услышал. Иди спать.
И закрыл дверь перед моим носом.
Я тогда просидела в коридоре час. Может, два. Он не вышел.
А теперь я лежу и сгораю от желания к человеку, который меня ненавидит.
Вечер. Я сижу в своей комнате и смотрю в стену. За окном темно. В доме тихо. Амир с Зарой уехали в город, по каким-то своим делам.
Мы одни.
Я слышу, как в ванной в соседней комнате шумит вода. Он там. Моется.
В голове — картинка. Он стоит под душем. Вода стекает по его спине, по шрамам, по татуировке. По...
Я вскакиваю. Сама не понимаю, что делаю.
Я крадусь по коридору, как вор. Сердце колотится где-то в горле.
Захожу в его комнату.
Дверь в ванную приоткрыта. Совсем чуть-чуть. Щёлочка.
Я подхожу. Замираю. Слышу шум воды. Его дыхание.
Я должна уйти. Это неправильно. Это грязно. Это...
Я не могу уйти.
Я наклоняюсь к щёлке. Пытаюсь увидеть. Там пар, ничего не видно. Только силуэт.
Огромный, тёмный силуэт за мутным стеклом душевой кабины.
Вода выключается.
Я замираю. Надо бежать. Немедленно.
Но ноги не слушаются.
Дверца душевой открывается. Он выходит.
И в этот момент дверь ванной распаивается полностью. Я не успеваю отшатнуться.
Его рука — мокрая, горячая — хватается меня за запястье.
— Айша.
Голос низкий, хриплый. Не холодный. Другой.
Я поднимаю глаза.
Он стоит передо мной. Совершенно голый.
Вода стекает по его телу. По широкой груди, по твёрдому животу, по...
Я смотрю. Не могу отвести взгляд. Внизу живота — тёмная дорожка волос. Ниже...
Он огромный. Весь. И там тоже.
Я никогда не видела мужчин голыми. Только в кино. Но это... это не кино. Это реальность.
Это он. Сабир.
У него большой — тяжёлый, возбуждённый, с тёмной головкой — касается моего бедра.
Я чувствую жар, исходящий от него. Даже через одежду.
— Айша, — повторяет он. Голос севший, почти шёпот. — Смотришь?

Я поднимаю глаза к его лицу.

Он смотрит на меня. Не сквозь. На меня. В глаза. Взгляд — тёмный, тяжёлый, голодный. Таким взглядом смотрят на добычу. На женщину. На ту, которую хотят.

— Я... — голос пропал. — Я не...

— Что ты здесь делаешь? — перебивает он.

— Я... хотела увидеть...

— Увидеть что? — он притягивает меня ближе. Я чувствую его запах. Мыло, вода, горячая кожа. И ещё что-то. Острое, мужское, сводящее с ума. — Хотела убедиться, что я — монстр? Что у меня шрамы везде? Что я страшный?

— Нет, — шепчу я. — Ты не страшный. Ты...

Я замолкаю. Потому что не знаю, как сказать. Что он — самый красивый мужчина, которого я видела. Что его тело — как скульптура, только живая, тёплая, настоящая. Что я хочу прикоснуться к каждому шраму, поцеловать каждый.

— Что? — он склоняется ниже. Его лицо в сантиметре от моего. Я чувствую его дыхание на своих губах.

— Ты... красивый, — выдыхаю я.

Он замирает.

Мы стоим так. Он — голый, мокрый, сжимающий моё запястье. Я — в пижаме, прижатая к дверному косяку. Между нами — миллиметр воздуха и океан желания.

Его взгляд опускается на мои губы.

— Айша, — хрипит он. — Ты понимаешь, что делаешь?

— Нет, — честно отвечаю я. — Но я не хочу уходить.

Его рука сжимает запястье сильнее. Больно. Хорошо.

— Если ты не уйдёшь сейчас, — говорит он медленно, вдалбливая каждое слово, — я не отпущу тебя. Никогда.

Я смотрю в его глаза. В них — огонь. Тот самый, который я пыталась погасить насмешками. Тот, которого боялась. Тот, которого хотела.

— Я не хочу уходить, — шепчу я.

Он выдыхает. Громко, с хрипом. Будто я ударила его под дых.

И тянется к моим губам...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.